

УДК 82.0

Холиков А.А.*(г. Москва)*

ПОЛ КАК «СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ»
ВО ВТОРОМ ПРИЖИЗНЕННОМ ПОЛНОМ СОБРАНИИ
СОЧИНЕНИЙ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть «пол» в качестве сверхтемы в творчестве Д.С. Мережковского на материале второго «Полного собрания сочинений» (1914). Анализ значимых компонентов и их соотношения внутри названного смыслового пространства показывает, что критика и публицистика писателя представляют собой развёрнутую экспликацию смыслов, зашифрованных в художественной форме, а вместе с тем используются как средство их актуализации и расширения проблемно-тематического пласта во времени и пространстве. Большой хронотоп, в свою очередь, укрепляет цельность этого прижизненного издания, способствует его легитимизации как структурно-семантического единства.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, прижизненное полное собрание сочинений, структурно-семантическое единство, пол.

A. Kholikov*(Moscow)*

GENDER AS A SEMANTIC FIELD IN THE SECOND LIFETIME
COMPLETE WORKS OF D.S. MEREZHKOVSKY

Abstract. The author examines «gender» as the most important theme of D.S. Merezhkovsky's creative activity on the material of the second «Complete Works» (1914). The analysis of the semantic components and their correlation inside the semantic field shows that both critique and political essays of the writer are a detailed explication of meanings encoded in his fiction. At the same time these texts are used as a means of updating and expanding the problematic and thematic layer across Time and Space. The larger chronotope, in its turn, strengthens the integrity of this lifetime complete works and promotes its legitimization as a structural and semantic unity.

Key words: D.S. Merezhkovsky, a lifetime complete works, structural and semantic unity, gender.

В ряде работ, опубликованных ранее [22; 23; 24; 26; 27; 28], нам уже приходилось писать о том, что полные собрания сочинений (далее – ПСС) как вид издания нуждаются в специальном историко- и теоретико-литературном изучении, так как принадлежат к плохо исследо-

ванным метатекстовым образованиям. Думается, наибольший научный интерес среди них представляют *авторизованные прижизненные* ПСС (заметим, что книговеды не учитывают их в известных классификациях), завершённые и переиздававшиеся. Несмотря на недостатки (относительность полноты, слабость текстологической подготовки, ошибки, опечатки и адресованность прежде всего массовому читателю), такие издания ценны, поскольку отражают волю писателя. Прижизненное ПСС чаще всего предполагает выборку текстов, их авторское редактирование (порой – переписывание) и не совпадает с тем, что называется «творческим наследием». Без тщательного анализа данных изданий невозможно достичь глубокого понимания личности автора, его творчества и в конечном счёте подготовить *академическое* ПСС.

Выбор Д.С. Мережковского в этой связи не случаен: теоретики литературы крайне редко обращаются к писателю, которому удалось при жизни выпустить два «Полных собрания сочинений», никогда не рассматривавшихся отдельно. Первое – в 17 тт. (СПб.; М.: М.О. Вольф, 1911 – 1913), второе – в 24-х (М.: И.Д. Сытин, 1914. – «Библиотека “Русского Слова”»). Оба издания относятся к разряду завершённых, но не переиздававшихся¹. С позиций интерпретирующей поэтики² (которая имеет установку на познание произведений в их многоплановости, богатстве, глубине, т. е. синтезирует *имманентное* и *контекстуальное* рассмотрение литературных фактов)³ изучение авторизованных прижизненных ПСС предполагает выявление содержательных компонентов этой полисемантической структуры, собственно формальных (состава и композиции), отражающих в своём единстве творческую волю автора, и установление связей между ними.

Главная цель нашей публикации – выделить *пол* в качестве самостоятельного «семантического поля» в составе второго прижизненного

¹ Если не считать «Полное энциклопедическое собрание сочинений» Мережковского на DVD-ROM: Версия 2.0 – («Электронная библиотека»): ИДДК.

² В несколько ином значении данный термин – Interpretierende Poetik – встречается в XX в. у Макса Верли, представителя «цюрихской школы» литературоведения.

³ Позже этот же принцип, получив развитие, отчетливо обнаружился в работах отечественных литературоведов самых разных мастей. К уже процитированному суждению А.П. Скафтымова 1923 г. можно добавить несколько ярких примеров. Так, В.Ф. Переверзев в предисловии к своей книге о Гоголе (1914) заявлял: «Мой этюд будет иметь дело только с произведениями Гоголя и ни с чем больше, стремясь проникнуть как можно глубже в изучение особенностей их формы и содержания» [16, с. 45]. В 1922 г. А.Н. Вознесенский говорил о необходимости изучать литературу двояким образом: «С одной стороны, имеется в виду изучение её как таковой, как имманентного явления <...>. С другой же, – историко-литературной задачей является построение её истории, изучение её динамического состояния <...>» [8, с. 132].

ПСС Мережковского, очертить его границы и наметить пути для последующего анализа. О значимости поставленной цели можно судить по признанию самого писателя О.А. Флоренской: «Тема о поле... есть одна из трёх главных наших тем...» [29, с. 146].

Многое в изучении проблемы эроса и метафизики любви у Мережковского уже сделано в работах В.Н. Быстрова, Е.А. Корольковой, О. Матич, Я.В. Сарычева, А.Л. Трубчанинова [25]. Предпринятое нами рассмотрение носит сугубо литературоведческий характер и не имеет своим специальным предметом структуру религиозного мировоззрения писателя в его гендерном аспекте. Основываясь на том, что «терминологизированию в составе литературоведческих текстов подобает знать свои границы» [21, с. 4], и признавая право учёных на введение «“размытых”, т. е. строго не определяемых понятий» ввиду сложности объекта изучения [9, с. 478]⁴, мы используем словосочетание «семантическое поле» (давно устоявшееся в лингвистике в качестве термина с четкой дефиницией) [6; 30; 12] на правах *научной метафоры* или, строго говоря, *ситуативного термина*, который, не притязая на общезначимость для литературоведения, обладает «достаточной смысловой определённостью, но лишь в данном контексте» [21, с. 5]. Речь идёт о самой крупной смысловой единице, которая может быть выделена в составе прижизненного ПСС, объединяющей компоненты содержания разных текстов по общим признакам. В случае с *полом* к таковым относятся: плоть – дух, мужское – женское. Остановимся на них подробнее.

Несмотря на то, что «дух» в представлении Мережковского составляет один синонимический ряд со словами «небо», «идея», «Ипостась», «Слово», а «плоть» – с лексемами «тело», «земля», «мир», «жизнь», «культура»⁵, оба понятия не мыслятся противоположными. Писатель критикует средневековое христианское толкование духа как сущности, запредельной тварному миру, и активно противостоит категорическому размежеванию духа и плоти как не имеющих точек соприкосновения субстанций, а также – превознесению духа над плотью в христианской догматике и лишению плоти ореола святости.

Отношения между смысловыми компонентами «плоть» и «дух» представлены во втором прижизненном ПСС четырьмя фазами. В первых, Мережковский констатирует их разобщённость в традицион-

⁴ К месту напомнить мысль М.М. Бахтина о том, что тенденция немцев каждое слово превращать в термин начисто «обесстиливает» его [1, с. 110].

⁵ Ещё Н.А. Бердяев указал на то, что «“плоть” многозначна у Мережковского, и он постоянно играет этим пленительным словом. Сама эта многозначность помогает ему» [3, с. 338].

ных представлениях официальной церкви. «Историческое христианство, – читаем в исследовании “Л. Толстой и Достоевский”, – усилило один из двух мистических полюсов святости в ущерб другому – именно полюс отрицательный в ущерб положительному – святость духа в ущерб святости плоти...» [13, т. XI, с. 14]. **Образное подтверждение своего тезиса** о нарушенной гармонии духовного и плотского начал Мережковский находит у Ф.М. Достоевского на примере влюблённости «невинной девушки» Аглаи и «блудницы» Настасьи Филипповны к Идиоту, который любит их обеих вместе и не может сделать выбора «без преступления или без кощунства над одной из двух равных святынь» [13, т. XII, с. 76]. В автобиографической поэме «Старинные октавы» Мережковский выстраивает повествование о жизни, усматривая истоки своего мировоззренческого дуализма в детском увлечении сразу двумя девушками из разных социальных слоёв и делает соответствующий вывод: «Уже тогда, с младенческих времён, / Лукавым духом, Янусом двуликим, / Неопытный мой ум был соблазнён, / И с этих пор я с ужасом великим / Всю жизнь внимал, как с Богом спорит бес, / Дух грешной плоти с ангелом небес» [13, т. XXIV, с. 65]. Однако разделение «плоти» и «духа» трактуется Мережковским как трагическое и противоестественное; хотя и сложившееся в историческом христианстве, но противоречащее божественным заветам: «Вместо живого диалектического развития, которое дано в учении Христа: тезис – плоть, антитезис – дух, синтез – “духовная плоть”, в историческом христианстве получилось только мёртвое логическое тождество – получилась бесплотная святость вместо святой плоти, бесплотная духовность вместо духовной плоти» [13, т. XI, с. 15].

Вторая фаза, являющаяся неизбежным следствием первой, – признание святости плоти. Эта идея буквально пронизывает второе ПСС, встречаясь и в художественных, и в критико-публицистических текстах. Вспомним, как Юлиан в первом романе из трилогии «Христос и Антихрист» увидел молодую девушку, совершенно голую, которая держала медный диск в руке, но «ни одной грешной мысли не могло родиться в душе поэта: восторг его был свят» [13, т. I, с. 90]. Другой пример – слова Арсинои: «Те, кто в пустыне терзают плоть и душу свою, – те далеки от кроткого Сына Марии. Он любил детей, и свободу, и веселие пиршеств, и белые лилии. Он любил жизнь, Юлиан! Только мы ушли от Него, запутались и омрачились духом. Все они называют тебя отступником. Но сами они – отступники...» [13, т. I, с. 324]. Очевидный намек на святость плоти содержится в эпизоде из романа о Леонардо да Винчи: «Рассказ о чудесной помощи Матери Господа, её особой Заступницы, прерван был служанкою мадонны Лены, прибежавшею сказать,

что госпожа требует у ключницы баночки с мазью для мартышки, отморожившей лапу, и <>Декамерона<> Боккаччо, которого вельможная блудница читала перед сном и прятала под подушку вместе с молитвенником» [13, т. III, с. 111]. В нехудожественных произведениях мысль Мережковского выражена более развёрнуто, причём за иллюстрациями писатель обращается к самым разным историческим личностям: «тайновидцу плоти» Льву Толстому [13, т. X, с. 91], «последнему святому» Серафиму Саровскому [13, т. XIII, с. 106], «тайновидцу духа» Фёдору Достоевскому [13, т. XIV, с. 233], Николаю Гоголю [13, т. XV, с. 271], Ивану Тургеневу [13, т. XVIII, с. 59], Петру Первому [13, т. XIV, с. 143]. В этом же ряду – обращение к архитектурным особенностям собора Святой Софии Константинопольской: «...кажется, купола реют в воздухе, сами воздушные, солнечно-золотистые, невероятно высокие, лёгкие-лёгкие и несокрушимо твёрдые, как твердь небесная, “плоть духовная”, Святая Плоть» [13, т. XIV, с. 155].

Третья фаза – промежуточная – намечает путь от «плоти» к «духу». «...Не против и не от земли, а только через землю можно прийти к неземному, не против и не без плоти, а только через плоть...» [13, т. IX, с. 93] – эта мысль неоднократно варьируется Мережковским. В итоге, по мнению писателя, отношения между «духом» и «плотью» должны завершиться *синтезом*. Данный тезис, будучи основным, настойчиво повторяется в текстах ПСС. Чаще всего – в трактате «Л. Толстой и Достоевский». Например: «...плоть и дух только в своих видимостях, только в явлениях – противоположны, но в последней потусторонней сущности – едины» [13, т. IX, с. 112]. С этой же идеей Мережковского встречаемся на страницах других работ: в исследовании о М. Ю. Лермонтове («Должно свершиться соединение правды небесной с правдой земной...» [13, т. XVI, с. 193]), сборнике «Не мир, но меч» («...к соединению Святого Духа со Святою Плотью ближе несвятая плоть вне-христианского человечества, чем бесплотная святость христианства» [13, т. XIII, с. 26]).

Два других смысловых компонента – «мужское» и «женское» – представлены на страницах второго ПСС как взаимодополняющие начала. В мировоззрении Мережковского особое место занимает образ андрогина (восходящий к античному мифу о Гермафродите и речи Аристофана в платоновском «Пире»), символизирующий полноту и единство пола, разделённого на мужской и женский.

При этом мужское и женское начала понимаются Мережковским не столько в буквальном (физиологическом), сколько в метафизическом смысле – как абстрактные духовно-психологические категории, «полюса мира», находящиеся в состоянии *нездешней* противополож-

ности». В некотором роде гендерные представления писателя напоминают не только известные размышления Владимира Соловьёва из трактата «Смысл любви» (1892 – 1894), но и австрийского философа Отто Вейнингера, утверждавшего в книге «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1903), что ни один человек не может быть абсолютным мужчиной или женщиной: «Можно даже сказать, что в мире опыта нет ни мужчины, ни женщины, а есть только мужественное и женственное» [7, с. 16]. Сходные мысли озвучены в письме жены Мережковского (не скрывавшей, кстати, своё увлечение теорией Вейнингера [4]) к В.Ф. Нувелю: «Я в поле ставлю разделения *начала* мужского и женского; физиологи кладут пол в мозг, а вы, Валичка... в половые органы! Это, ей-Богу, примитивно, и жизнь на каждом шагу должна вам доказать, что она сложнее, запутаннее и загадочнее» [17, с. 338].

Рассуждения Мережковского о сочетании мужского и женского начал не были чем-то исключительным и вписывались в атмосферу «сексуальной анархии» (термин Элейн Шоултер) рубежа XIX – XX вв. Однако андрогинность, понимаемая метафизически, не выступает у писателя в качестве субститута гомосексуальности (последнее усматривается некоторыми исследователями, в частности О. Матич, в отношении З.Н. Гиппиус). Судя по всему, главное, к чему стремился Мережковский в своих умозаключениях о поле, – перекинуть мост от материальной реальности к духовной. Подтверждение тому – слова из статьи, не вошедшей, но вписывающейся по тональности во второе ПСС: «Совершенный человек, совершенная личность – не мужчина, *только* мужчина (самец), и не женщина, *только* женщина (самка), а что-то большее» [14, с. 194].

В текстах же, составляющих данное издание, соединение мужского и женского начал наблюдается на многочисленных примерах. Ярчайший из них – образ Леонардо да Винчи, бисексуальность которого подчёркивается в разных эпизодах [13, т. II, с. 37, 341; т. III, с. 70, 233] и усиливается через сравнение художника с натурщицей моной Лизой: «Порой, когда Джiovанни долго смотрел на эту общую улыбку их, становилось ему жутко, почти страшно, как перед чудом: явь казалась сном, сон явью, как будто мона Лиза была не живой человек, не супруга флорентинского гражданина, мессэра Джюоконда, обыкновеннейшего из людей, а существо, подобное призракам, вызванное волей учителя, – оборотень, женский двойник самого Леонардо» [13, т. III, с. 200–201]. Намек на андрогинность содержится также в художественных образах юного Цезаря из «Воскресших богов» [13, т. III, с. 130], Петра I из заключительной части трилогии «Христос и Антихрист» [13, т. IV, с. 130], г-жы Татари-

новой [13, т. VII, с. 120], императрицы-матери [13, т. VII, с. 195], Софьи [13, т. VI, с. 172], Пестеля [13, т. VII, с. 10] и Александра I [13, т. VII, с. 179] из одноименного романа. Наконец, мотив перевоплощения мужчины в женщину (и наоборот) становится самостоятельной темой новеллы Мережковского «Рыцарь за прялкой». Если же обратиться к нехудожественной прозе, то мотив этот присутствует в статье «Последний святой» [13, т. XIII, с. 136]. В литературно-критических работах писателя определённо женственными чертами наделены мужчины: Монтень [13, т. XVII, с. 176], Лермонтов [13, т. XVI, с. 173], Гаршин [13, т. XVIII, с. 254].

Смысловой компонент «женское» («женственное») у Мережковского вбирает в себя «любовь-материнство» и «влюбленность», соединённые в мире божественных сущностей в образе Девы Марии, но противоборствующие в мире явлений, поскольку «любовь-материнство» незримыми нитями связана с браком и половым актом, а «влюбленность» — с девственностью и поцелуем. Очевидно, что брак и девство обладают наибольшим потенциалом антагонизма по отношению друг к другу. В дореволюционной «Православной богословской энциклопедии» вместо статьи «Девство» стоит отсылка к тексту «Безбрачие», что легко объяснимо: «По происхождению брак старше христианства, поэтому первым элементом брака можно поставить физический: брак есть осуществление вложенной в природу человека потребности, соединение двух лиц разного пола» [10, с. 1023–1024]. Согласно катехизическому определению, супругам испрашивается благодать единодушия к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей.

Оставаясь на религиозных позициях, Мережковский полагает, что «брак тогда начинает обнаруживаться, когда за ним есть девство» [11, с. 221]⁶. Выражая апокалиптический взгляд на мир, он признаёт, что абсолютный идеал христианства есть девство, поэтому не удивительна та симпатия, которой пронизан очерк о И.С. Тургеневе: «У него, который, можно сказать, всю жизнь только и делал, что мучился над вопросом пола, поразительное отсутствие вопроса о деторождении, о материнстве. Тургеневские женщины и девушки как будто не могут родить. И как будто сам он этому сочувствует, не хочет продолжения рода человеческого, говорит ему: “Довольно! Довольно!” — Но это не скопчество, не отсечение, а какое-то огненное утверждение пола, огненная чистота — *влюблённая девственность*. Тургенев — поэт вечной девственности» [13, т. XVIII, с. 60].

В то же самое время воззрения Мережковского на брак носят двойственный характер. С одной стороны, писатель отвергает прокреатив-

⁶ Об интересе Мережковского к феномену девства «взрослых людей» см.: [20, с. 144–156].

ный смысл брака как «дурную бесконечность», выступает против сведения брака из области христианского таинства на мысль о ребёнке, на рациональную (если не сказать – позитивистскую) почву (см.: «Тургенев» [13, т. XVIII, с. 60], «Гоголь» [13, т. XV, с. 214]) и одновременно критикует юридическую составляющую союза мужчины и женщины: «...вместо святого сладострастия, святого брака – законный брак» [13, т. XII, с. 222]. В художественной форме сходная мысль сформулирована автобиографическим героем «Старинных октав»: «...Внутри – убийство, а извне хранит / Законный брак благопристойный вид» [13, т. XXIV, с. 51]. Другой пример – в поэме «Вера»: «Легко сказать – жениться!.. Это шаг / Непоправимый; разбирая строго, / Обуза тяжкая – законный брак...» [13, т. XXIII, с. 127]. С другой стороны, Мережковский не отвергает брака как христианское таинство: «Брак есть тайна – тайна, подлежащая откровению» [11, с. 222]. По мнению писателя, духовенство на словах придерживается такой же точки зрения (брак свят, ибо представляет собой духовный союз Христа с церковью), но на деле существует противоречие, на которое неоднократно указывается в ПСС (см.: «Последний святой» [13, т. XIII, с. 130], «Меч» [13, т. XIII, с. 27]).

В рассуждениях Мережковского – безупречная логика: утверждая святость плоти, он не мог не допускать мысли о святости христианского брака. Во втором ПСС это сформулировано следующим образом: «Таинство брака есть, по преимуществу, и прежде всего, таинство плоти, тут не от духа к плоти, а наоборот – от плоти к духу устремляется святость. Соединение душ возможно и вне брака; но совершенно святое соединение плоти с плотью не может быть вне таинства брака» [13, т. XII, с. 221]. Получается, что брак освящается через плоть, которая в идеале преобразуется посредством воздержания. Следовательно, предпочтение отдаётся новой христианской влюблённости и символизирующему её поцелую, а не любви-материнству (иначе – прокреативному браку) и половому акту. Образная иллюстрация этого тезиса – в сцене беседы герцогини с молодыми дамами и синьорами из второй части трилогии «Христос и Антихрист» [13, т. II, с. 256–257], а также – в новелле «Железное кольцо», один из героев которой признаётся: «... за этот единственный поцелуй я отдаю величайшее сокровище, какое у меня есть на земле, ибо я однажды прочёл в комментариях к божественному Платону, что и грешному человеку порою достаточно бывает одного мгновения высшего блаженства, чтобы тёмная душа его очистилась и соединилась с Богом» [13, т. XIX, с. 51].

Участвуя в прениях по вопросу о браке на Религиозно-философских собраниях, Мережковский провозглашал: «...для влюблённых *оди-*

наковое значение имеет как физическая сторона, так и духовная» [11, с. 231]⁷. Кажущаяся противоречивость этого высказывания снимается содержащимся в ПСС разъяснением: «На самом деле, влюблённые любят не *это* тело, не труп, не падаль, а какое-то *другое*, какую-то нетленную “духовную плоть”» [13, т. XVIII, с. 59]. В этой связи к месту вспомнить оценку Идиота, данную Мережковским. Она может служить дополнительным подтверждением только что процитированных слов: «...какая-то загадочная прелесть, какой-то неодолимый соблазн притягивает к нему женщин, как “магнит железо”, так что могучий самец, сладострастный паук Рогожин, перед этим, как будто бесполом серафимом, чувствует себя жалким соперником в глазах женщин...» [13, т. XII, с. 30].

Разгадывая тайну пола и одновременно углубляя её, писатель откровенно тоскует об идеале «девственно-брачной влюблённости». Не потому ли в его исследовании о М.Ю. Лермонтове столь интимно выглядят наблюдения над тем, как «влюблённый утёс-великан плачет о тучке золотой. Одинокая сосна грустит о прекрасной пальме. И разделённые потоком скалы хотят обнять друг друга...» [13, т. XVI, с. 197]?

В ходе рассуждений мы ограничились наиболее яркими примерами из второго прижизненного ПСС Мережковского. Дополнительным аргументом в пользу его идейно-тематического единства служит наблюдаемое нами стирание границ между художественными и нехудожественными текстами. Именно этим обусловлена необходимость объединения в содержательном анализе всех произведений, невзирая на их родовидовую принадлежность. В результате в один доказательный ряд попадают как прямые авторские высказывания, так и реплики персонажей. Причина такого подхода к материалу – не в постмодернистском нигилизме в отношении традиционных литературоведческих категорий, а в специфических чертах творчества самого Мережковского, который, согласно пронизательному наблюдению В.В. Бычкова, в обращении с историческим и культурным материалом предвосхитил «почти любого “продвинутого” писателя постмодернистской ориентации» [5, с. 137]. Перечислим важнейшие из этих черт.

Триада как метод философского конструирования применяется писателем тотально и в художественных, и в нехудожественных текстах⁸. Поскольку литературный факт не обладает абсолютной незави-

⁷ Более поздние высказывания по данному вопросу см.: [19].

⁸ «В литературных текстах Мережковского, – справедливо замечает В.В. Полонский, – концепция трёх заветов трансформируется в универсальный диалектический принцип “тринитарного мышления” (тезис – антитезис – синтез), который предопределяет

симостью от автора реального, некоторые биографические сведения могут служить источником для толкования художественных образов. По мнению М.М. Бахтина, ситуация, когда творец непосредственно вкладывает свои мысли в уста героя (для убеждения в их истинности или пропаганды), не является эстетически продуктивной. Но в такой ситуации оказывается Мережковский, в произведениях которого в силу этого далеко не все усматривают высокую художественную ценность (А. Белый, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, М.О. Цетлин).

Условность границы между художественными и нехудожественными текстами объясняется также стремлением автора к документальности или же её имитации. Это стремление реализуется благодаря включению в произведения большого числа исторических персонажей (от главных до второстепенных) и соответствующих «интимных» жанров (дневников, писем, записных книжек)⁹. Ценные сведения о творческой «кухне» Мережковского дают его послания к М.О. Гершензону¹⁰. «Я знаю, – читаем в одном из них, – что Вы изучали – эпоху Александра I и декабристов, именно с той точки зрения, с которой мне всего нужнее – с более *интимной* и *личной*. Не согласились ли бы Вы оказать мне помощь Вашими сведениями и указаниями для моих драм “Александр I” и “Николай I (Декабристы)”, которые будут продолжением “Павла I”. Вы бы оказали мне этим большую услугу»¹¹. И главное: «Вы сами

буквально все жанрообразующие признаки от макрокомпозиции (тяготение к трилогиям) до характеристики (герои, лишённые психологической объёмности, – носители раздирающих противоречий, алкающие грядущего апокалиптического синтеза) и хронотопа (господство пространственных характеристик над временными, преодоление идеи движения времени через анахронизмы и синхронизмы в сверхобобщениях и аналогиях между эпохами и эксплуатация поэтики цитатных лейтмотивов; при этом настоящее предстает провалом между прообразовательным прошлым и эсхатологическим будущим» [18, с. 142]. На материале трилогии «Христос и Антихрист» Т.А. Неверова подтвердила гипотезу о том, что одним из вербализаторов триадического мышления Мережковского являются контекстуальные синонимы, последовательность которых образует номинацию, опирающуюся на схему «тезис – антитезис – синтез» [15, с. 192].

⁹ В качестве примеров можно вспомнить встречающиеся в художественной прозе Мережковского дневники (как подлинные, так и вымышленные) Джиованни Бельтраффио, царевича Алексея, фрейлины Арнгейм, записки князя Валерьяна Михайловича Голицына, в поэзии – два стихотворения, объединённые названием «De Profundis», с подзаголовком «Из дневника», в критике – сборник «Вечные спутники» (согласно авторскому вступлению, «это – записки, дневник читателя в конце XIX века») с вошедшими в него статьями «Плиний Младший» и «Флобер» (на эпистолярной основе), «Монтань» (по материалам дневника), «Пушкин» (с опорой на автобиографические записки Смирновой).

¹⁰ Похожее письмо Мережковский отправил В.Я. Богучарскому 5 августа 1908 г.: Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея. Ф. 2. Ед. хр. 292.

¹¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 746. К. 37. Ед. хр. 31. Л. 1-2.

угадаете, что мне нужно: те мемуары, письма, документы, которые дают самую внутреннюю, *неофициальную* сторону эпохи. Словом – “*анекдоты*” – в глубоком смысле...”¹².

Стараясь не только доказать, но и показать в образной форме собственную мысль, автор апеллирует как к рациональному, так и эстетическому (чувственному) восприятию. «Не понять его романов без его критики. И критики – без романов» [2, с. 264], – справедливо заметил А. Белый. Иначе говоря, критика и публицистика писателя представляют собой развёрнутую экспликацию смыслов, зашифрованных в художественной форме, а вместе с тем – используются как средство их актуализации и расширения проблемно-тематического поля во времени и пространстве. Читателю, решившему после статей «Аракчеев и Фотий» и «Елизавета Алексеевна» обратиться к роману «Александр I», очень трудно, говоря словами Мережковского о «Войне и мире», избавиться от «удивительного впечатления, будто бы все изображаемые события, несмотря на их знакомый исторический облик, происходят в наши дни, все описываемые лица, несмотря на портретность, – наши современники» [13, т. X, с. 29–30]. **Большой хронотоп, в свою очередь, способствует легитимизации ПСС как структурно-семантического единства и делает более отчётливой картину мира писателя, то есть его мировоззрение, объективированное текстуально.**

Литература:

1. *Бахтин М.М.* Дополнения и изменения к «Рабле» // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – С. 80–129.
2. *Белый А.* Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 257–266.
3. *Бердяев Н.* Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 331–353.
4. *Берштейн Е.* Трагедия пола: две заметки о русском вейнингеризме // Эротизм без берегов: Сборник статей и материалов. – М.: НЛЮ, 2004. – С. 64–89.
5. *Бычков В.В.* Русская теургическая эстетика. – М.: Ладомир, 2007. – 743 с.
6. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–112.
7. *Вейнингер О.* Пол и характер. – М.: Латард, 1997. – 358 с.
8. *Вознесенский А.* Метод изучения литературы // Труды Белорусского государственного университета в Минске. – 1922. – № 1. – С. 129–139.
9. *Григорьев В.П.* Терминология литературоведческая // Краткая литера-

¹² НИОР РГБ. Ф. 746. К. 37. Ед. хр. 31. Л. 2 – 2 об.

турная энциклопедия. – Т. 7. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – С. 478–479.

10. *Завьялов А.* Брак // Православная богословская энциклопедия. – Т. 2. – 1901. – С. 1023–1073.

11. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). – М.: Республика, 2005. – 543 с.

12. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 349 с.

13. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений. – М.: И.Д. Сытин, 1914. – Т. I–XXIV.

14. *Мережковский Д.С.* Розанов // Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. – М.: Аграф, 2001. – С. 184–197.

15. *Неверова Т.А.* Опыт классификации контекстуальных синонимов (на материале трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист») // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 61. – С. 188–192.

16. *Переверзев В.Ф.* Гоголь. Достоевский. Исследования. – М.: Советский писатель, 1982. – 512 с.

17. Письма З.Н. Гиппиус к В.Ф. Нувелю / Вступ. ст., публ. и примеч. Н.А. Богомолова // Диаспора: новые материалы. – Вып. 2. – СПб.: Феникс, 2001. – С. 303–348.

18. *Полонский В.В.* К проблеме историософского романа в русской прозе конца XIX – начала XX века // **Полонский В.В. Между традицией и модернизмом.** Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – С. 134–149.

19. **Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде):** История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. – Т. 1. – М.: Русский путь, 2009. – 680 с.

20. *Сарычев Я.В.* Религия Дмитрия Мережковского: «Неохристианская» доктрина и её художественное воплощение. – Липецк: ИГ ИНФОЛ, 2001. – 224 с.

21. *Хализев В.Е.* О языке современного литературоведения // Известия РАН. – Серия «Литература и язык». – 2011. – Т. 70. – № 2. – С. 3–12.

22. *Холиков А.А.* «Авторские микротексты» в прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского (к постановке проблемы) // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. – Серія: Літературознавство. – 2012. – Вип. 2 (70). – С. 107–115.

23. *Холиков А.А.* Авторское предисловие к прижизненному полному собранию сочинений Д.С. Мережковского: «рефлексивный» аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Сер.: Филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 82–86.

24. *Холиков А.А.* Научно-справочный аппарат в прижизненных полных собраниях сочинений русских писателей (к постановке проблемы) // Учёные записки Казанского государственного университета. – Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – Кн. 2. – С. 38–45.

25. *Холиков А.А.* Основные научные работы о Д.С. Мережковском: материалы к библиографии // Вестник ПСТГУ III: Филология. – 2011. – Вып. 2 (24). – С. 107–167.

26. *Холиков А.А.* Полные собрания сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии // Обсерватория культуры. – 2011. – № 2. – С. 116–123.

27. *Холиков А.А.* «Полное собрание сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии». Приложение к статье // Обсерватория культуры. – 2011. – № 3. – С. 126–127.

28. *Холиков А.А.* Принципы научного изучения прижизненных полных собраний сочинений русских писателей // Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 15–25.

29. *Шутова Т.* «Нечаянная радость»: Письма Д.С. Мережковского О.А. Флоренской // Новый журнал (Нью-Йорк). – 2008. – № 253. – С. 140–160.

30. *Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 256 с.